

Е.Ф. Шмурло

**Очерк жизни и научной
деятельности Константина
Николаевича Бестужева-
Рюмина**

1829-1897

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.Ф. Шмурло**
Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина: 1829-1897 / Е.Ф. Шмурло – М.: Книга по Требованию, 2014. – 428 с.

ISBN 978-5-518-07379-1

ISBN 978-5-518-07379-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ное и всестороннее жизнеописание стоит быть написанным: Бестужевъ-Рюминъ соприкасался со многими выдающимися людьми своего времени, велъ съ ними обширную переписку, съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ и развитіемъ нашей общественной жизни, принималъ въ ней непосредственное участіе, проводя свои взгляды, воздѣйствуя на умы: наконецъ, столь свѣтлую память оставилъ онъ по себѣ въ исторіи образованія русской женщины. Авторъ не теряетъ надежды со временемъ возстановить симпатичный и поучительный обликъ Константина Николаевича полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ это могло быть сдѣлано на этихъ страницахъ, и потому позволяетъ себѣ обратиться съ просьбою ко всѣмъ, кому дорога память о покойномъ историкѣ, посылать подписавшемуся присылкою писемъ, воспоминаній, указаній, замѣтокъ, хотя бы даже простыхъ поправокъ къ настоящему труду, — вообще всѣмъ, что могло бы способствовать разрѣшенію намѣченной цѣли; что же до настоящаго „Очерка“, то авторъ самъ понимаетъ, сколь многого еще оставляетъ желать онъ по своимъ пробѣламъ, неполнотѣ и неравномѣрности въ изложеніи.

Въ основу настоящей книги положенъ печатный и рукописный матеріалъ: частью письма Константина Николаевича, его дневникъ и литературные труды, въ числѣ каковыхъ нашлось нѣсколько еще неопубликованныхъ; частью же личныя воспоминанія, а также сообщенія и замѣчанія лицъ, хорошо знавшихъ покойнаго и близкихъ къ нему. Безъ ихъ дѣятельной помощи предлагаемый трудъ едва ли бы могъ появиться

въ своемъ настоящемъ видѣ. Нижеподписавшійся весьма благодаренъ проф. М. Н. Бережкову за его воспоминанія и сообщеніе нѣсколькихъ выдержекъ изъ писемъ къ нему Константина Николаевича. Кромѣ того авторъ считаетъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность вдовѣ покойнаго, Е. В. Бестужевой-Рюминой, за ея позволеніе пересмотрѣть бумаги Константина Николаевича и воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ, а также проф. И. Я. Фойницкому, который любезно подѣлился своими воспоминаніями о Бестужевѣ за первые годы его профессорской дѣятельности въ Петербургскомъ университетѣ.

Май 1899 г.

Е. Ш.

Р. S. Подготовительнымъ этюдомъ къ настоящему труду служила статья, помѣщенная мною въ журналъ *Сѣверный Вѣстникъ*¹⁾, гдѣ однако жизнеописаніе Бестужева-Рюмина доведено лишь до времени профессуры въ Петербургскомъ университетѣ. Значительно дополненная и передѣланная, статья эта входитъ теперь въ составъ главъ I, II, III, IV, V, VII и VIII настоящаго „Очерка“. Кромѣ того уже во время печатанія послѣдняго, въ газетѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости* были помѣщены мною двѣ статьи: „Одинъ изъ такъ-называемыхъ славянофиловъ (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ)“²⁾ и „Памяти хорошаго человѣка“³⁾. Содер-

1) 1897, № № 4, 5, 6, 8.

2) 1898, № № 274, 281.

3) 1899, № 1.

жаніе первой основано главнымъ образомъ на главѣ XIII „Очерка“ матеріаль для второй заимствованъ изъ разныхъ мѣстъ книги. Эта вторая статья тотчасъ по своемъ появленіи вызвала возраженіе въ видѣ „Замѣтки“ Б. Н. Чичерина¹⁾, энергически возставшаго противъ тѣхъ словъ, которыми я характеризовалъ семью его родителей и кои можно читать на стр. 55 настоящей книги:

„Въ міросозерцаніи и во всемъ складѣ понятій этой семьи довольно отчетливо звучала одна характерная нотка: большее или меньшее безразличіе къ явленіямъ окружающей жизни, своего рода общественный и политическій квіетизмъ, эгоистическое спокойствіе людей, сознающихъ свое духовное превосходство“.

Г Чичеринъ на это замѣчаетъ. „Откуда авторъ могъ взять такую характеристику, — для меня непонятно. Конечно, не отъ самаго Бестужева, который, даже на старости лѣтъ, говорилъ, что онъ въ своей жизни не встрѣчалъ человѣка, который имѣлъ бы на него такое благотворное нравственное вліяніе, какъ мой отецъ, за что онъ ему вѣчно благодаренъ. Если авторъ такъ понималъ сказанное въ моей статьѣ, то это совершенно невѣрное толкованіе“.

Основаніемъ моему сужденію о складѣ жизни и духовныхъ интересахъ образованной помѣщичьей семьи того времени служила, дѣйствительно, только статья г. Чичерина. т. е. извѣстныя „Воспоминанія“ его, напечатанныя въ *Русскомъ Архивѣ*, а Бестужевъ-Рюминъ

1) С. Петерб. Вѣдом. 1899, № 12.

самъ объ этомъ ничего не говорилъ. Что онъ всегда высоко ставилъ благотворное вліяніе Николая Васильевича Чичерина и его семьи — на это и въ моей книгѣ достаточно указаній, и благотворности этого вліянія я не думалъ отрицать.

Въ своей „Замѣткѣ“ г. Чичеринъ говоритъ: „Мой отецъ былъ искренній патриотъ, и именно въ ту пору, когда жилъ у насъ Бестужевъ, во время Крымской кампаніи, онъ горячо принималъ къ сердцу судьбы русскаго оружія. Въ духѣ служенія общественному дѣлу и благу отечества онъ старался воспитывать и своихъ сыновей. Отсюда, могу сказать, то страстное увлеченіе общественными вопросами, которому я, старшій членъ младшаго поколѣнія, предавался въ своей молодости. Отцу, какъ болѣе зрѣлому и опытному человѣку, приходилось внушать мнѣ осторожность, не въ видахъ эгоистическаго квіетизма, о которомъ не было и помину, а съ тѣмъ, чтобы при тогдашнихъ условіяхъ себя не погубить и не подорвать той пользы, которую я могъ впослѣдствіи принести. Бестужева не нужно было воздерживать, — ибо онъ менѣ увлекался, нежели я. Но равнодушія къ общественнымъ вопросамъ онъ, конечно, не могъ встрѣтить въ той семьѣ, въ которой жилъ“.

Эти любопытныя и цѣнныя показанія рисуютъ обстановку пребыванія Бестужева въ Караулъ въ еще болѣе симпатичномъ освѣщеніи, чѣмъ какою она представлялась мнѣ до сихъ поръ, и мнѣ остается лишь сожалѣть, что они опубликованы только теперь. Что же до нашего разногласія, то коренится ли оно въ

неправильномъ пониманіи мною той картины, которая съ такимъ талантомъ нарисована въ „Воспоминаніяхъ“ г. Чичерина, или въ нѣкоторой неравномѣрности въ расположеніи красокъ на этой самой картинѣ, судить не берусь. Во всякомъ случаѣ компетентность г. Чичерина по затронутому вопросу внѣ сомнѣнія, и я прошу читателей своей книги принять это во вниманіе при чтеніи соотвѣтствующихъ страницъ моего „Очерка“.

I.

Дѣтство.

Обстановка дѣтскихъ лѣтъ кладетъ свой отпечатокъ обыкновенно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе и воспримчивѣе натура ребенка. Чѣмъ глубже западаютъ въ сознание первыя впечатлѣнія дѣтства, тѣмъ рѣзче и ярче опредѣляютъ они характеръ и духовную физиономію человѣка въ его зрѣлые годы. Это особенно приходитъ на умъ, когда говоришь о Константинѣ Николаевичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. Впечатлѣнія, которыя вынесъ и выросилъ онъ подъ родительскимъ кровомъ, остались навсегда неразлучными спутниками его жизни. Уваженіе къ началу семейному, облагораживающее и гуманизирующее вліяніе образованія, интересъ къ исторіи и литературѣ, къ чтенію вообще, — словомъ, тѣ вкусы и понятія, что были достояніемъ лучшей части дворянскаго помѣщичьяго класса въ Николаевскую эпоху, подъ вліяніемъ образовательныхъ и воспитательныхъ идей второй половины XVIII столѣтія — вотъ основы его духовнаго развитія.

Отецъ Бестужева, Николай Павловичъ, изъ старинной дворянской семьи, воспитаніе свое получилъ въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, въ эпоху Жуковскаго¹⁾, служилъ въ военной службѣ, былъ раненъ (кажется, подъ Фридлян-домъ) и позже, объѣзжая лошадей для великаго князя цесаревича Константина Павловича²⁾, сломалъ себѣ ногу, что

1) И всегда съ благодарностью вспоминалъ о немъ (*Бестужевъ-Рюминъ*, Биографіи и Характеристики, 239, прим.).

2) Николай Павловичъ былъ женатъ два раза. Первую жену онъ увезъ, и в. кн. Константинъ Павловичъ оказалъ ему большую помощь и покровительство при возникшихъ по этому случаю затрудненіяхъ. Отсюда и отношенія семьи Бестужевыхъ къ вел. князю. Нашъ Константинъ Николаевичъ былъ названъ въ честь его

заставило его поселиться въ родовомъ имѣніи, въ сельцѣ Кудрешкахъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Онъ поставилъ Кудрешки на хорошую ногу, развелъ прекрасный садъ, устроилъ паркъ и, увлекаясь оранжереями, выписывалъ самые рѣдкіе сорта сѣмянъ, цвѣтовъ и плодовъ ¹⁾. Имѣніе славилось при немъ во всей губерніи ²⁾.

Но еще болѣе сада занимался Бестужевъ-отецъ чтеніемъ книгъ и воспитаніемъ старшаго сына Константина, родившагося 14 мая 1829 г. ³⁾. По убѣжденіямъ, Бестужевъ былъ деистъ съ оттѣнкомъ піэтизма, — такимъ по крайней мѣрѣ выяснилось міросозерцаніе отца самому К. Н. позже, при болѣе тщательномъ изученіи тѣхъ умственныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ развивались ученики Благороднаго пансіона. Николай Павловичъ никогда не засыпалъ безъ того, чтобы не перекреститься, и въ то же время въ церковь не ходилъ, не пріобщался и, вообще, церковныхъ обрядовъ не исполнялъ. Въ домѣ Бестужевыхъ не было Евангелія или, вѣрнѣе, былъ одинъ экземпляръ, да и тотъ на французскомъ языкѣ. Съ Новымъ Завѣтомъ К. Н. познакомился впервые не по этому экземпляру, принадлежавшему его матери, а по книгѣ, которую онъ нашелъ и взялъ у сельскаго священника ⁴⁾. Однажды отецъ засталъ сына за ея чтеніемъ и съ увлеченіемъ заговорилъ съ нимъ о Христѣ, объ его ученіи, о христіанствѣ. Восторженная рѣчь глубоко запала въ душу ребенка, и эту бесѣду К. Н. всегда отчетливо помнилъ и любилъ вспоминать ⁵⁾.

1) *А. Румянцева*, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Дѣтское Чтеніе* 1897, № 6, стр. 244. Въ саду у маленькаго К. Н. былъ свой уголокъ, гдѣ ребенокъ тоже сажалъ свои цвѣты (*Ibidem*).

2) *Усовъ*, Этнографъ-беллетристъ. *Историч. Вѣстникъ* 1884, № 12, стр. 568, прим.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Автобіографическая записка въ Словарѣ русскихъ писателей Венгерова, т. III, стр. 188.

4) „Я помню, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я въ первый разъ Евангеліе, взявъ его у священника (тогда русское Евангеліе было рѣдкостью, ибо перепечатывать не позволяли, и въ продажѣ его не было). Мнѣ было тогда то лѣтъ“ (Письмо К. Н. Бестужева-Рюмина отъ 14 августа 1883 г.).

5) Вотъ еще подробность изъ позднѣйшихъ воспоминаній К. Н., въ письмѣ его отъ 7 сентября 1883 г. (рѣчь шла объ образѣ І. Христа со словами: „придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и Я успокою васъ“): „Помню, что въ сельской церкви, гдѣ мы были прихожанами, былъ

„К. Н. росъ тихимъ и серьезнымъ ребенкомъ, не особенно сильнымъ физически, малоподвижнымъ, увлекавшимся болѣе всего чтеніемъ, за которымъ онъ забывалъ весь міръ“ Азбукѣ „учился онъ по старинному способу и съ большимъ усиленіемъ заучивалъ слоги: буки—рцы—азъ = бра и т. п. Былъ у него учитель чистописанія, но плохой; поэтому и почеркъ у него образовался неразборчивый, мелкій“¹⁾).

Зло помѣщичьяго быта, съ его отталкивающими чертами барства и крѣпостничества, проникло и въ домъ Бестужевыхъ. Взрослымъ К. Н. очень не любилъ комнатныхъ собакъ и кошекъ, съ горечью объясняя это тѣмъ, что слишкомъ часто видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ животныхъ предпочитали людямъ. Но зло крѣпостного права съ избыткомъ выкупалось въ воспитаніи мальчика тѣмъ облагораживающимъ вліяніемъ умственныхъ интересовъ, которыми жила его семья и тонъ которымъ давалъ главнымъ образомъ его отецъ.

Еще ребенкомъ, засыпая въ своей дѣтской, К. Н. прислушивался къ голосу матери, читавшей вслухъ въ сосѣдней комнатѣ его гувернанткѣ „Евгенія Онѣгина“: еще съ этой поры приучился онъ любить гениальнаго поэта, художественные образы котораго на всю жизнь сохранили для него неотразимую прелесть, — того поэта, чья гениальная муза благоухала для Бестужева самымъ тонкимъ ароматомъ неувядающаго цвѣтка. Вскорѣ мальчикъ и самъ взялъ „Онѣгина“ въ руки; еще до поступленія въ гимназію онъ прочелъ его всего²⁾).

Бестужевъ отчетливо помнилъ обстоятельства, при какихъ узналъ о смерти Пушкина. Въ то время ему не было еще и 8 лѣтъ. Семья жила въ Нижнемъ-Новгородѣ, у тетки. Къ ней заѣхалъ оренбургскій губернаторъ Катенинъ, по дорогѣ изъ Петербурга къ мѣсту своей службы, и рассказывалъ подробности дуэли. Съ жадностью слушалъ маль-

этотъ образъ, и помню, какъ мнѣ, ребенкомъ, было пріятно читать эти слова и знать, что во всякомъ горѣ есть куда обратиться. Мнѣ памятно даже мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ образъ. Теперь, кажется, и самой церкви нѣтъ“

1) *А. Румянцова*, стр. 244.

2) *Моравекъ*, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Протоколъ торжествъ общаго собранія членовъ Спб. Слав. Благ. Общества 10 февраля 1897 стр. 16.

чикъ печальную повѣсть, и въ его памяти на всю жизнь запечатлѣлось четверостишіе, услышанное отъ Катенина:

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отомлиться ей мольбами —
Жалка она!

Подъ нею поэтъ подразумѣвалъ жену Пушкина. Тщетно старался К. Н. узнать, кто авторъ этихъ стиховъ, но самые стихи не забылъ.

Воспитательное значеніе въ жизни ребенка великій русскій поэтъ дѣлилъ съ другой знаменитостью своего времени — Жуковскимъ. Болѣе того. Вліяніе Жуковскаго въ эти годы было несомнѣнно сильнѣе. Отецъ русскаго романтизма вмѣстѣ съ Карамзинимъ были его первыми „учителями нравственности“ „Жуковскій“ — вспоминалъ впоследствии К. Н. — „другъ воспитателя моего дѣтства, я долго жилъ почти исключительно подъ его вліяніемъ, котораго не заглушило и вліяніе Пушкина, а съ Пушкинымъ я тоже рано освоился. Памятью стараго свѣжаго впечатлѣнія повѣяло на меня отъ нѣкоторыхъ балладъ, особенно отъ Орлеанской Дѣвы. Вспомнилось мнѣ то время, когда подъ вліяніемъ этой драмы Іоанна казалась мнѣ одною изъ самыхъ великихъ личностей (о ней можно сказать: личность) во всеобщей исторіи. Послѣ, читая о ней на блистательныхъ страницахъ Мишлэ, я все же не чувствовалъ того трепетанія, которое обнимало меня при первомъ чтеніи драмы. О, моя юность, о моя свѣжесть! воскликнешь съ Гоголемъ. Помню, какъ дѣйствовало на меня прощаніе Іоанны съ родиною и монологъ у собора. Перечель, и показалось мнѣ, что я опять дома, и опять бѣгаю въ рубашечкѣ, и опять читаю эту вѣчно-юную драму, тамъ, подлѣ бібліотечныхъ шкаповъ въ кабинетѣ отца . . “¹⁾).

Въ 1838 г. прочиталъ онъ въ журналѣ неподписанную „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“ и былъ очарованъ красотою незнакомаго еще ему Лермонтовскаго стиха. Вообще литературные вкусы мальчика опредѣлились съ очень раннихъ поръ. Однажды мать, собираясь въ Москву, — это было тоже еще до поступленія въ гимназію, — спросила сына, что привезти

1) Письмо 31 октября 1889 г